

Источник света на потолке ванной комнаты, прикрытый матовым плафоном, распадался на теплые желтые пятна.

Теплые струи воды из душа непрерывно низвергались сверху, стекали по кафельным стенам и устремлялись в сливное отверстие в мраморном полу.

Из-за огромной разницы в телосложении Шэнь Яню было достаточно приложить усилие одной рукой, чтобы легко и накрепко прижать запястья Цзян Ли к стене над ее головой.

Его грубые подушечки пальцев намертво вцепились в ее тонкие, хрупкие запястья.

Широкие плечи и грудь полностью загораживали ей обзор.

В тесном пространстве ванной разливалась удушающая, давящая агрессия. Её форма, насквозь промокшая от воды, туго обтягивала тело.

В уголку глаз Цзян Ли блестели капли воды, а вокруг покрасневших глазниц разлился нежный румянец. Она отвернулась, избегая его чересчур хищного и давящего взгляда.

Длинные опущенные ресницы едва заметно дрожали в такт дыханию, выдавая в ней невероятно хрупкое и беззащитное создание.

Шэнь Янь, возвышаясь над женщиной, холодно окинул её оценивающим взглядом. Его глаза скользнули сверху вниз,

и наконец намертво впились в её соблазнительные губы. Её губы, распаренные жаром, приобрели естественный блеск.

Выглядели они аппетитно.

Из-за безумного действия лекарства, бурлящего в теле, его кадык судорожно дернулся, и он, не раздумывая, подался вперед.

Мужское дыхание, обжигающее и горячее, опалило её губы.

Цзян Ли увидела в его глазах клокочущую тьму, и сердце забилося так часто, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из горла.

Он собирается меня поцеловать.

Он действительно собирается меня поцеловать.

Нет, нужно держать себя в руках.

За секунду до того, как их губы должны были соприкоснуться, Цзян Ли в испуге резко отвернула голову к стене.

Кончик носа мужчины скользнул по её щеке.

— Не надо... прошу, отпустите меня...

Её голос, срывающийся на дрожь, звучал тихо, мягко и жалко.

Движение Шэнь Яня замерло на полпути. Глядя на мокрую женщину перед собой, он тяжело

нахмурился, а в глубине его глаз залягли отвращение к самому себе и жажда убийства.

Он наконец сообразил, что только что вытворял.

Поцелуй.

Губы к губам, обмен слюной.

Раньше его тошнило даже от одного вида целующихся людей.

Это физиологическое отвращение поднималось из самых глубин желудка, из-за чего в семнадцать лет на каком-то застолье его при всех вырвало.

С тех пор никто не смел совершать перед ним никаких интимных поступков.

Чтобы искоренить слабость в виде инстинктивного отвращения к определенным вещам, он некогда заставил себя пересмотреть огромное количество порнографических роликов и видеоматериалов.

У него ушло целых два года на то, чтобы полностью подавить эту тошноту и гадливость.

Теперь, даже глядя на подобные кадры собственными глазами, он мог сохранять на лице полное спокойствие.

Но он и помыслить не мог, что однажды сам опустится до столь грязного занятия, как обмен слюной.

Сегодня у него неожиданно возник порыв поцеловать незнакомую женщину.

Подобное выходящее из-под контроля желание было смертельно опасным, его нельзя было оставлять в живых.

Глубокие глаза наполнились свирепостью, его свободная правая рука взметнулась вверх.

Широко растопырив пять пальцев, он метил прямо в изящную шейку женщины, собираясь с молниеносной быстротой свернуть эту докучливую шею раз и навсегда.

Однако ладонь опустилась вовсе не туда, куда планировалось, и накрыла ее ключицу.

Шэнь Янь опустил веки, и свирепость с жаждой убийства, затаившиеся на дне его глаз, были полностью вытеснены еще более мощной первобытной жадой.

Этот вкус определенно должен был его удовлетворить.

Напрочь отбросив все мысли,

он, повинаясь инстинкту тела, снова наклонился.

Цзян Ли от этого напора... пришла в себя...Из-за битвы Цзян Ли лишилась немалой доли сил.

Только что, уклонившись от поцелуя, она на мгновение по-настоящему перепугалась, заметив, как в глазах этого мужчины вспыхнула жажда убийства.

— Тун-цзы, кажется, я уклонилась совсем не вовремя? Он ведь всерьез хотел меня придушить. Если бы я знала, что так его разозлю, лучше бы просто ответила на поцелуй. Мы даже не успели толком распробовать вкус друг друга, это же сплошной убыток!

Не успела она до конца пробормотать про себя слова сожаления, как последовавшие действия Шэнь Яня заставили её широко распахнуть глаза. Вместе с натиском он прорвал её оборону, вынудив выпустить из горла стон — невольный, полный стыдливого очарования.

— Дорогая! Он!

— Знаю! Замолчи! Я сейчас сойду с ума!

— Дорогая, твой голос слишком громкий! Не забывай, сейчас ты — невинный белый цветочек, которого принуждают к близости! Сопровствляйся хоть немного!

Цзян Ли сжала кулаки, её тело непроизвольно подалось назад, а голос дрогнул:

— Не надо... прошу, не надо...

Шэнь Янь словно не слышал. Его губы будто стремились убедиться в чем-то... убедиться, что это не галлюцинация, убедиться, что его врожденная брезгливость не проснулась и не остановила его.

Ничего не было. Ни отвращения, ни неприятия, ни физиологической брезгливости — ничего подобного.

Лишь одно слово: сладость.

— Дорогая, — механический голос Системы вдруг стал очень тихим, — твоё нынешнее амплуа — чистый и невинный белый цветочек. Не выставляй напоказ свою жадность к мужчинам, постарайся хотя бы для вида пару раз оттолкнуть его руками. А я в такой прекрасный момент мешать не стану, не буду отвлекать тебя от дегустации этого изысканного блюда. Ешь досыта, если что-то понадобится — зови. Желая приятного аппетита, чмок!

Связь прервалась.

Цзян Ли закусила нижнюю губу. Потоки воды стекали по телу, и она не могла разобрать, что горячее: вода или его губы.

Как же страшно.

Она запрокинула голову, глядя на него. Вода струилась с его волос, стекая по бровям и скулам, а линия челюсти казалась настолько острой, словно могла порезать взгляд. Его взгляд, давящий сверху, был темным, глубоким, наполненным чем-то, чего она никогда прежде не видела на лицах живых людей.

Как же красиво.

Мелкие брызги воды непрерывно орошали их кожу. Цзян Ли добросовестно исполняла свою роль: из уголков её глаз выкатились две слезинки, губы шептали отказы, а руки делали несколько беспомощных, не имеющих никакой силы движений, пытаясь вырваться из его ладоней, словно железных клещей.

На самом деле, в глубине души она уже вовсю запускала праздничные фейерверки. Такой первоклассный мужчина, стоящий на вершине пищевой цепи, был прямо перед ней. Раз уж деликатес сам поднесен к губам, она съест его, даже если при этом сломает зубы.

Дыхание мужчины стало настолько тяжелым, что, казалось, могло воспламенить воздух. Вкус, который он ощутил, впиваясь в её губы, заставил его окончательно распробовать плод — на её коже оставались глубокие следы. Большая ладонь скользнула по линии талии. Тягучее, властное чувство собственности проникало сквозь огрубевшие подушечки пальцев в каждый дюйм её кожи.

Цзян Ли была совершенно не в силах противостоять такому агрессивному натиску, полностью отдавшись на волю мужчины, который одной рукой пригвоздил её к стене, а другой всё так же крепко удерживал оба её запястья.

— Твой маленький ротик куда честнее тебя, — прошептал он. — Он очень даже мне рад.

<http://bllate.org/book/22404/2351695>